
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

*Б.С. Братусь,
В.В. Умрихин*

Л.С. ВЫГОТСКИЙ И А.Н. ЛЕОНТЬЕВ: ЛИЧНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙ¹

Рассматривается особая роль неявного знания в исторических судьбах научных школ, которые при подчас немногочисленном составе ученых способны совершать значительные прорывы в развитии мысли и порождать крупные исследовательские традиции. Отмечается, что подавляющее большинство наиболее крупных и ярких ученых оказываются учениками не менее ярких личностей в науке, а при обращении к опыту их учителей эта закономерность неизменно повторяется. Одним из скрытых оснований этого феномена выступает движение такой особой формы неявного знания, как личностное знание (М. Полани), не формализуемое в текстах и передаваемое в непосредственном общении между учителем и учеником. Яркий пример такого общения демонстрирует история зарождения и развития школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии, породившая крупную научную традицию — культурно-деятельностную психологию. На материале истории сотрудничества А.Н. Леонтьева с Л.С. Выготским рассмотрена диада «учитель — ученик» в науке. Логика преемственности поколений показана на примере возникновения в школе А.Н. Леонтьева смыслоориентированных концепций личности. Обоснована гипотеза о повторяющихся (архетипических) циклах жизненного пути ученого человека, в основе которых лежит движение неявного, личностного знания.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, культурно-деятельностная психология, смыслоориентированные концепции личности, архетипы науки, циклы жизненного пути ученого, неявное знание, личностное знание, научный текст, контекст, подтекст, драма идей, научная школа, преемственность поколений, смысл, ценность, нравственность, личность.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект № 10-06-00437а.

В жизни ученого человека (если он скоропостижно не умирает в начале пути) можно обнаружить целый ряд общих, по сути, архетипических моментов, этапов и фигур. Конечно же, это изначальная, иницирующая фигура учителя (или учителей), далее — этапы взаимоотношения с ним (с ними): встреча, увлечение, восхищение, подражание, первые сомнения, возражения, желание обособиться, отъединиться, самому стать именем существительным, а не прилагательным (к другому имени), в дальнейшем — столь нередко — отхождение, противостояние, а то и конфронтация, возникновение собственного окружения, наконец, школы, появление своих учеников и их этапы отношения к тебе — от восхищения и подражания до отпечкования и отвержения. Тем самым вычерчивается некий круг, повторяющийся (архетипический) круг научной жизни, который цикл за циклом, оборот за оборотом определяет конкретную историю науки. Известна формула А. Эйнштейна: «Наука есть драма идей». В ней люди, несущие, отстаивающие идеи, составляют лишь фон. Поэтому в более полном виде следует сказать: наука — это драма идей и людей. И как всякая драма, она имеет в своей основе устойчивые, повторяющиеся внутренние законы, коллизии и циклы развития.

В процессе их постижения, попытках углубленного понимания отчетливо обнаруживается недостаточность такого традиционного

материала, как научные тексты прошлого. Ведь большая часть упомянутых драм и коллизий разворачивается в особом «затекстовом» пространстве, относящемся к области неявного знания — в области контекстов и подтекстов, отношение к которым придает тексту и деятельности его автора реальный смысл.

И совершенно особую роль неявное знание приобретает при нашем обращении к школам в науке, которые при подчас совсем немногочисленном составе способны совершать значительные прорывы в развитии мысли и порождать могучие исследовательские традиции. Не случайно историки разных наук обнаружили, что подавляющее большинство наиболее крупных и ярких ученых оказались учениками не менее ярких личностей в науке, а при обращении к опыту их учителей эта закономерность неизменно повторялась (Школы в науке, 1977). Очевидно, что одним из скрытых оснований этого феномена выступает движение особой формы неявного знания. Это личностное знание (М. Полани), не формализуемое в текстах и передаваемое в непосредственном общении между учителем и учеником.

Яркий пример такого общения демонстрирует нам история зарождения и развития школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии, породившая ведущую научную традицию в отечественной психологии.

Разумеется, можно «крючкомтворствовать» и сказать, что «вначале был

Лурия», ибо именно он заметил, восхитился и пригласил никому не известного гомельчанина на работу в Москву, в Институт психологии. Но иницирующий импульс, создавший силовое поле школы, был дан, придан личностью и гением Льва Семёновича Выготского. Более того — то, что А.Р. Лурия представлял собой к тому времени некоторую самостоятельную научную единицу, по мнению А.Н. Леонтьева, было скорее отягощающим, чем положительным фактором. Вот как говорит об этом Алексей Николаевич в опубликованной ныне устной беседе со своим сыном: «Определение пути (самоопределение) связано со встречей с Л.С. Выготским. У меня было заполнение вакуума, у А.Р. Лурии — вытеснение похлебки. Разница между мной и Александром Романовичем в отношении к Л.С. Выготскому: мне повезло, что у меня был вакуум. А.Р. Лурия осваивал Л.С. Выготского в духе эклектики, у меня был пуризм» (Леонтьев А.А., 2003, с. 37).

В той же беседе определяется и дата Встречи (ввиду ее важности мы можем написать здесь это слово с большой буквы): конец 1924 или начало 1925 г. А.Н. Леонтьеву — 21–22 года, Л.С. Выготскому — 28–29 лет. Один — юноша, другой — немногим его старше. Одному предстоит долгая жизнь, длительная научная деятельность, в которой были, конечно, трудности, кризисы, неудачи, но которую увенчали многие годы заслуженного официального и неофициального

признания, очевидного лидерства, безусловного авторитета. Другому отпущено судьбой менее десяти лет работы и жизни, огульная критика под конец, почти на четверть века запрет, затушевывание трудов после смерти. Но тогда, хотя они оба были молодыми людьми, Л.С. Выготский был, несомненно, учителем, А.Н. Леонтьев — внимающим учеником и последователем.

Итак, «вначале был Выготский». Как говорил сам А.Н. Леонтьев в той же беседе: «Л.С. Выготский дал установку: исследовать средства запоминания, средства внимания, квазислова как средства опосредствования при общении» (Леонтьев А.А., 2003, с. 38). К 1928 г. А.Н. Леонтьев заканчивает свою ставшую впоследствии классической книгу «Развитие памяти» — вершину и, одновременно, главный итог ученичества и сотрудничества с Л.С. Выготским. Далее начинается типичное для науки, но каждый раз драматическое для реальной жизни размежевание, поиск, опробование и отстаивание своих путей. Здесь не место для подробного разбора этой темы. Важнее лишь констатировать само это расхождение, его общую суть, для более объективного обозначения которой обратимся к непосредственному свидетельству самого А.Н. Леонтьева: «1931-1932 гг.: рождается харьковская школа. Внутренняя расстановка в школе Выготского была драматична. Конфронтация двух линий на будущее. Моя линия: возвращение к исходным тезисам и

разработка их в новом направлении. Исследование практического интеллекта (=предметного действия). Известное место в “Фаусте” И.В. Гете: дело *не в этом!* Общине — демиург сознания? Общине — демиург значения? Какая подпочва? Если не все дело в “деле”?

Линия Выготского: аффективные тенденции, эмоции, чувства. Это — за сознанием. Жизнь аффектов; отсюда поворот к Б. Спинозе.

Я: практика.

Л.С. Выготский: свобода поиска подходов. Но не более! Огорчение (по моему поводу). <...>

Апогей расхождений — 1932 г. (после доклада), начало 1933. <...>

У Л.С. Выготского осталось все, у меня *все сначала*» (Леонтьев А.А., 2003, с. 40).

Эту длинную цитату нужно было привести полностью: здесь важен сам первоисточник, чтобы не прибавлять от себя или от интерпретаторов — как доброжелательных, так и недоброжелательных. Очень четко расхождение обозначено и в рукописных «Материалах о сознании» 1940–1941 гг. А.Н. Леонтьев записывает следующее: «Психологическая концепция, развивавшаяся Л.С., была оригинальной, новой, но это *новое* оставалось внутри *старого!*» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 40). Что же имелось здесь в виду под «старым»? Если свести к предельным формулам, то это не что иное, как «Вначале было слово», тогда как для А.Н. Леонтьева действительно новой представля-

лась другая, уже упоминавшаяся гетевская формула, о чем он чуть ниже напишет в тех же «Материалах о сознании»: «В *начале* было дело (затем стало слово и в этом все дело!)» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 40).

Спустя 30 лет в книге «Деятельность. Сознание. Личность» А.Н. Леонтьев вновь обсуждает эти две основополагающие формулы, но в преломлении их непосредственно к собственной психологической концепции: «дело» как деятельность и «слово» как внутренняя интенция, означенная потребность, сознание, аффект, переживание. «Итак, перед нами две принципиальные схемы, выражающие связь между потребностью и деятельностью. Первая воспроизводит ту идею, что исходным пунктом является потребность, и поэтому процесс в целом выражается циклом: *потребность* → *деятельность* → *потребность*. <...> Другая, противостоящая ей схема есть схема цикла: *деятельность* → *потребность* → *деятельность*. Эта схема, отвечающая марксистскому пониманию потребностей, является фундаментальной так же и для психологии, в которой (и здесь А.Н. Леонтьев цитирует современного ему и хорошо лично знакомого французского марксиста-философа Л. Сэва. — *авт.*) “никакая концепция, основанная на идее ‘двигателя’, принципиально предшествующего самой деятельности, не может играть роль исходной, способной служить достаточным основанием для науч-

ной теории человеческой личности”» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 192–193).

Тем самым деятельность (а не потребности или стоящие за ними переживания, эмоции, чувства) порождает личность, формирует ее. Личность пригибает голову и входит под сень деятельности, становится ее «внутренним моментом», ее «продуктом», поэтому изучаться, рассматриваться она должна как сугубо внутридеятельностная проблема.

Но тогда возникает явное недоумение: откуда при такой жесткости постановки могли появиться в среде учеников и младших сотрудников А.Н. Леонтьева в конце 1970-х гг. начатки их смысловых концепций личности, причем появиться не подпольно, не вопреки, а напротив, при его идейной, административной и человеческой поддержке и соучастии?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует назвать два, казалось бы, разнопорядковых обстоятельства. Первое — это атмосфера факультета психологии, которую А.Н. Леонтьев создал и поддерживал, — атмосфера научного поиска, открытости, отсутствия чиновного духа. Можно утверждать, что время леонтьевского правления, деканства (1966–1979) оказалось если не золотым, то серебряным веком факультета психологии МГУ. Вот лишь некоторые свидетельства очевидцев: «В годы деканства А.Н. Леонтьева за факультетом прочно укрепилась репутация самого интеллигентного факультета МГУ. <...> В течение многих лет у

А.Н. Леонтьева сохранялся вкус к поиску талантов непосредственно среди студентов» (Андреева, 1999, с. 9). «Он был просвещенный и интеллигентный ученый-администратор. С пониманием относился к другим, не совпадающим с его собственным, направлениям и школам в психологии, содействовал их развитию. При этом ему удивительным образом удавалось проводить принципиальную линию развития собственной концепции и традиций школы Л.С. Выготского. Именно это, несмотря ни на что, было делом его жизни» (Зинченко, Моргунов, 1994, с. 77–78). «В его оценках людей на первом месте всегда была способность к самостоятельному мышлению. “Мыслитель” — “не мыслитель” было главным в оценке ученого. И никакие публичные заверения в верности теории деятельности не меняли оценки Алексеем Николаевичем этого ученого» (Иванников, 1999, с. 12). «Факультет психологии являл собой в каком-то смысле островок свободомыслия, насколько это было возможно в то время... Леонтьев, будучи очень тонким политиком, умудрялся за своей широкой спиной обеспечить свободу творчества очень многим людям» (Петренко, 2003, с. 92). «Посмотрите, какую плеяду последователей он оставил. Причем это люди отнюдь не просто идущие в кильватере шефа и славословящие его. Каждый оказался способным выстроить оригинальное научное направление» (Климов, 2003, с. 8).

Именно эта атмосфера способствовала во второй половине семидесятых созданию (на общественных началах) Межкафедральной группы по изучению психологии личности (или — другое ее название — по изучению смысловых образований личности). Идея группы, ее развитие, ход действий не раз обговаривались с А.Н. Леонтьевым. Б.С. Братусь как руководитель группы, А.Г. Асмолов как (тогда) его заместитель встречались и советовались по поводу проблематики группы с А.В. Запорожцем, Б.В. Зейгарник, П.Я. Гальпериним, Л.С. Цветковой и другими. В работе группы участвовали Н.Н. Авдеева, Е.З. Басина, Л.В. Бороздина, О.М. Дерябина, Е.Е. Насиновская, Л.А. Петровская, В.А. Петровский, А.А. Пузырей, В.Э. Реньге, Е.Т. Сололова, А.С. Спиваковская, Е.В. Субботский, К.Г. Сурнов, А.У. Хараш, Е.И. Шлягина и другие (Асмолов и др., 1979).

В 1980-х годах Межкафедральная группа была распущена. Ведущие участники группы самостоятельно продолжили развивать и, как при всяком научном движении, видоизменять свои представления, создав собственные оригинальные концепции. Стали оформляться и другие исследовательские направления (часто отгалкиваясь и полемизируя с работами Межкафедральной группы). Назовем, например, концепции Ф.Е. Василюка, В.К. Виллюнаса, М. Кальвиньо, Д.А. Леонтьева, В.Ф. Петренко, В.С. Собкина,

В.В. Столина, А.Г. Шмелева и др. Разумеется, проблема смысла затрагивалась и в иных (нежели культурно-историческая) психологических школах, но здесь мы не будем затрагивать эту особую, требующую отдельного изложения тему (см., например, Леонтьев Д.А., 2007).

Но, конечно, не сама по себе атмосфера факультета (при всей ее неоценимой, мы бы сказали, перво-степенной для развития психологического творчества важности) породила ряд смысловых концепций. И здесь нужно обратиться к другому необходимому условию этого порождения, содержащемуся в логике развития самой теории деятельности. Напомним, что термин «личностный смысл» появляется в публикациях А.Н. Леонтьева с 1947 г. и понимается как «субъективное значение данного объективного значения». Чтобы избежать удвоения терминов, А.Н. Леонтьев и предложил говорить о «личностном смысле». Этим определением смысл задавался как *единица сознания* наряду со значением и «чувственной тканью». Иным образом смысл определялся в структуре предметной деятельности, а именно как отношение мотива (деятельности) к цели (действия). Смыслозадающим при этом несомненно являлся мотив. А.Н. Леонтьев постоянно подчеркивал: каков мотив — таков и смысл для человека его действий. Отсюда, в частности, утверждение предметной отнесенности смысла, наряду и по аналогии с краеугольным камнем

теории деятельности — утверждением предметности мотива.

Ясно, что эти положения замыкали (да еще на хороший замок) смыслы внутри, в подчинении деятельности, оставляя лишь за ней функцию порождения, демиурга, двигателя; в таком варианте не могло появиться собственно смысловых теорий, да и вообще представлений о личности как о чем-то ином, нежели «моменте» предметной деятельности. Но то, что они появились, да еще в таком количестве (будем надеяться — и качестве), говорит о внутренней эволюции в 1970-е гг. теории деятельности и, соответственно, самого А.Н. Леонтьева как ученого, педагога и мыслителя.

В те годы активность и интересы А.Н. Леонтьева сосредоточились на двух, по сути, противоположно направленных линиях, тенденциях. Одна, очевидная для всех, — это тонкая аппаратная экспериментатика, исследования механизмов восприятия, внимания, упование на роль здесь математики. На небольшом, еще недавно образованном факультете психологии МГУ по этой тематике работало тогда сразу несколько хорошо оборудованных (главным образом за счет выполнения заказов Министерства обороны) и, как водится в науке, часто остро полемизирующих друг с другом лабораторий и исследовательских групп (например, под руководством В.П. Зинченко, Ю.Б. Гиппенрейтер, самого А.Н. Леонтьева, Б.М. Величковского

и других). Начинаящие «личностники» были в те годы в явном меньшинстве и, как им иногда казалось, в загоне, так что нередко ворчали на засилие тех, кто изучал восприятие, шутили, что факультет психологии надо бы переименовать в факультет восприятия.

Но была и другая, менее внешне бросающаяся линия интересов А.Н. Леонтьева в то время, — психология личности². В этом плане нужно заметить, что представления и раздумья о личности, которые объединены в книге «Деятельность. Сознание. Личность», не являются итоговыми для А.Н. Леонтьева, как это часто полагают. Редактор этого знаменитого труда, С.Л. Воробьев, неоднократно вспоминал в беседах с авторами* о сложности работы с А.Н. Леонтьевым именно над этой частью книги. Дело, по его словам, дошло до того,

² В исследовании В.Ф. Петренко (1999) представлены результаты психосемантического анализа работ леонтьевской школы психологии, показывающие явное нарастание, начиная с 1970-х гг., именно этой тенденции. Эволюция в этом направлении может быть прослежена и в научных судьбах действующих лиц психологии. Многие из героев исследования восприятия, ярко проявивших себя в семидесятые, давно и добровольно покинули это поле научной битвы. Возьмем, например, две ведущие фигуры в области изучения психологии восприятия, двух тогдашних заведующих лабораториями психологического факультета МГУ — Ю.Б. Гиппенрейтер и В.П. Зинченко. Первая увлеклась гуманистически ориентированной психотерапией, второй — философией психологии.

* Б.С. Братусем и В.В. Умрихиным (ред.).

что однажды, когда вопросы редактора стали особенно вездливыми и требовательными, А.Н. Леонтьев даже воскликнул в сердцах: «Поймите, я сам понимаю, что это недостаточно, но это сейчас все, что я могу сегодня сказать о личности. Не подходит — не печатайте вообще». Уже после издания книги он выступил с сообщением, в котором были намечены очень важные, принципиальные шаги, ведущие, по сути, к прорыву, размыканию объятий деятельности. Он говорил: «Личность есть *системное* и потому *сверхчувственное* качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный телесный индивид» (Леонтьев А.Н., 1983, с. 385). И второй прорыв. Уже подчеркивалось, что личность, в том числе и в последней книге А.Н. Леонтьева, представлялась как момент, крутящий «момент деятельности», и отсюда: «Изучение личности... составляет специальную, хотя и не *отдельную* психологическую проблему» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 159–160). В докладе качественно другой подход: «Проблема личности, — говорил А.Н. Леонтьев, — образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов» (Леонтьев А.Н., 1983, с. 385).

Третий момент — это внимание к проблеме поступка и нравственности. Уже в книге «Деятельность. Сознание. Личность» появляется замечательная мысль, что главным для

личности является не вопрос иерархизированности мотивов (который до этого обычно рассматривался как основополагающий), не вопрос о схождении мотивов в одной точке, их подчиненности главному жизненному мотиву, но «вопрос о том, какое место занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хотя не всегда видимую индивидом, подлинную действительность» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 220). Далее А.Н. Леонтьев приводит пример пушкинского Скупого рыцаря. Если, однако, давать психологическую характеристику, строго придерживаясь прежней леонтьевской позиции, то придется признать, что герой, не лишенный в прошлом внутренних конфликтов, борьбы с «когтистым зверем» — совестью, оказался в итоге сосредоточенным и подчиненным единому мотиву, его цели иерархически простроены, имеют осознанный личностный смысл и т.п. Если шутки ради перенести его в современный нам мир, то он — банкир и ростовщик, не нуждающийся в психотерапевте, какой-либо психологической помощи и могущий быть отнесенным по многим параметрам к успешной (и более того — для многих ныне завидной) норме. Но — и здесь вся суть леонтьевского примера — эта иерархия, этот главный жизненный мотив, будучи смещенным от некоей подлинной, но невидимой реальности, будучи вынесенным за ее границы, несмотря на всю субъективную личностную осмыс-

ленность, оказывается, тем не менее, бессмысленным, пустым, дорогой в никуда, крахом личности. Словами «Ужасный век, ужасные сердца!» заканчивает А.С. Пушкин трагедию о Скупом рыцаре.

Иными словами, определяющими, в конечном счете, оказываются не внутриличностные коллизии, не сами по себе мотивационно-деятельностные конфигурации, а их соотношение, соотнесение с особой сферой и плоскостью, которую А.Н. Леонтьев оставил неназванной. Однако представляется очевидным, что эта сфера *нравственно-ценностная* и даже *духовная*, т.е. сфера и плоскость обращения к предельным вопросам, выходящим за грань конкретной деятельности и обращенным к смыслам жизни.

Но тогда смыслы личности не предстают уже только вторичными, факультативными, дополняющими, оттеняющими деятельность образования. Более того, положение оборачивается: деятельность тогда представляет, выражает (с большей или меньшей полнотой) стоящие за ней, освещающие ее предельные (далее неразложимые) смыслы жизни. Л.Н. Толстой писал, что люди только делают вид, что торгуют, воюют, строят. Главное, что они делают всю жизнь, — решают нравственные проблемы. Именно это и составляет главное дело человечества.

Понятно, что представления Л.Н. Толстого, по сути, противоположны исходным постулатам А.Н. Ле-

онтьева, где вначале было дело (как он приговаривал на лекциях — «дело было и потом — в том-то все и дело»), где смыслы рождаются в деятельности и ее же затем обслуживают и исчезают вместе с ее иссяканием. Но повторим, в последние годы А.Н. Леонтьев проявлял все больший интерес к нравственно-ценностным детерминантам. Это было заметно не только молодым тогда еще «личностникам» из его близкого окружения. В.А. Пономаренко, слушавший его лекции и работавший с ним в 1970-е гг. в Экспертном совете ВАК и при создании Института психологии РАН, вспоминает: «Легко, убедительно, с языковым изяществом использовал марксистское учение об условиях развития человека в общественной системе социализма. Редко и с осторожностью касался теоретического рассмотрения проблем бессознательного, духа, трансцендентных сторон сознания... Однако чувствовалось, что он ждал часа для более откровенных проникновений в эту главную проблему человека — Веры, Духа, Смысла как данности для выбора своего места и предназначения... Не исключаю, что он, наблюдая человека праздного, нередко пустого, мелкого, с дрянненькой душонкой, вне принципов и позиций, вообще общественного зверька с желтыми белками завистливых глаз, винился перед Богом за свой окольцованный материализм, не подпустивший его к решению им же и поставленной задачи: "...осуществить тенденцию к пре-

вращению психологии в науку о живом человеке, в науку о самом важном» (Пономаренко, 2003, с. 15).

Во время последней встречи А.Н. Леонтьева со своими учениками-«личностниками» — А.Г. Асмоловым и Б.С. Братусем — речь шла не только о науке и не об одном предмете, а о многих — смежных и совсем не смежных. Среди прочего заговорили об общих принципах понимания человека. А.Н. Леонтьев твердо сказал, как нечто важное и продуманное для себя, что расхожее (принадлежащее В.И. Ленину) утверждение, будто К. Маркс кардинально исправил Г. Гегеля, поставив его (его теорию) «с головы на ноги», — неверное. «Но это была ошибка, на самом деле, — убежденно и даже с горячностью заключал он, — Гегель стоял (поставил вопрос) правильно». По сути, это могло означать позднее признание А.Н. Леонтьевым значимости идеальных, метафизических оснований как главных, определяющих, составляющих для человека ту самую «реальную, хотя и не всегда видимую индивидом подлинную действительность» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 220).

В этом плане поздний А.Н. Леонтьев приближался к позднему Л.С. Выготскому, опять становился на сторону своего Учителя, старшего друга и, одновременно, что часто бывает в научной жизни, главного внутреннего оппонента. В 1977 г. (за два года до смерти) А.Н. Леонтьев фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Л.С. Вы-

готским по проблеме переживаний и деятельности (Орлов, 2003), прямо признав: «...Альтернатива 30–31-го годов оказалась не альтернативой, а необходимой линией движения психологического исследования. Не или-или, а обязательно и-и!» (Леонтьев А.А., 1983, с. 12). Замыкался круг научной биографии, восстанавливался, точнее, подтверждался кровоток созданного научного направления, которое и питало тогдашних его учеников, а в дальнейшем будет питать новые поколения их последователей.

Приведенные рассуждения и выводы помогут уточнить теперь исходную гипотезу о кругах научной жизни. Не бывает прямого возврата в точку начала какого-либо из этих кругов. Да и выбор, определение самого начала — всегда условно, ибо, практически, любая точка на окружности может стать им или, по крайней мере, быть рассмотренной, предложенной в этом качестве. Поздний А.Н. Леонтьев семидесятых вернулся не собственно к позднему Л.С. Выготскому тридцатых, а к пониманию значимости идей и вопросов, которые ставил тогда Л.С. Выготский. Физического, земного времени для развернутого ответа на эти вопросы у А.Н. Леонтьева уже не было. Молодые исследователи личности появились в этом плане не случайно. Они были во многом вызваны возвратом этих вопросов, их новой, связанной с внутренним движением всего тогдашнего общества остротой и актуальностью. А.Н. Леонтьев чувствовал

и нес в себе эту интенцию, заражал, передавал ее в своих оценках, беседах, лекциях своим ученикам, которые были воплощением (живым и, конечно, несовершенным) его ожиданий. Закладывался новый виток мысли, так что кончина А.Н. Леонтьева стала не обрывом, но стыком пути, промежуточной стрелкой этого направления.

Что касается вариантов выбора другой условной точки круга, то он достаточно очевиден: это внимание к операционально-технической стороне деятельности. Сейчас эта сторона малозаметна, ушла из поля зрения, что, однако, не означает отсутствие внутреннего движения — в ночи мы не видим передвижения солнца, но рассвет обнаружит его. Можно, например, назвать целый ряд нынешних сотрудников и аспирантов «леонтьевской» кафедры — кафедры общей психологии факультета психологии МГУ (основанной, как известно, С.Л. Рубинштейном (1942) и руководимой А.Н. Леонтьевым в течение целых 28 лет (1951–1979), вплоть до его кончины), которые увлечены экспериментальными исследованиями (в том числе сложноаппаратурными) в области изучения восприятия, внимания, памяти, мышления (О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, Н.Б. Березанская, И.А. Васильев, Е.Е. Васюкова, А.Е. Войскунский, О.В. Гордеева, Ю.Б. Дормашев, С.А. Капустин, В.В. Нуркова, М.В. Фаликман и др.). Эти сотрудники порой высказывают недоволь-

ство теперешним превалированием сугубо личностной тематики, сетуют на отсутствие прежней заботы о развитии строго экспериментальной психологии (так же как молодые психологи 1970-х ворчали на засилье лабораторий восприятия на факультете). Можно было бы (но это, конечно, отдельная тема) показать корни этого куста исследований, их отнесенность к раннему Л.С. Выготскому, или к А.Н. Леонтьеву разных этапов его научной биографии, или к зрелому П.Я. Гальперину (Нечаев, 2003). И здесь мы обнаружим не замкнутую петлю или обрыв традиции, но стык, стрелку, переводящую на новые пути, начало нового витка.

Разумеется, с таким пониманием согласятся далеко не все, суждения о научном наследии А.Н. Леонтьева могут носить и весьма негативный (даже агрессивный) характер. Некоторые психологи (в основном молодого поколения) утверждают, что теория деятельности А.Н. Леонтьева устаревшая, малопродуктивная, запутанная, оторванная от жизни, она дань советской идеологии, перепев марксизма и ей не место в сегодняшнем дне, а те, кто продолжают придерживаться, отстаивать, не отрекаться от этой теории, — ретрограды, мешающие, задерживающие их (молодых) продвижение вперед. Среди психологов более старшего поколения есть те, кто предъявляет претензии, критикует не наследие, а наследников. Они, напротив, обвиняют отечественную психологию в

забвении, отречении от теории деятельности А.Н. Леонтьева, настаивают, чтобы эта теория была постоянно провозглашаема как идейная платформа, по крайней мере, для факультета психологии МГУ и прежде всего для ее «леонтьевской» кафедры — кафедры общей психологии.

Ответим словами самого А.Н. Леонтьева, не раз в тех или иных вариантах произносимых им: «У любой теории есть две возможности: либо ее в неизменном виде сдают в архив, либо от нее отталкиваются и идут дальше» (цит. по: Иванников, 1999, с. 13). Совершенно ясно, что А.Н. Леонтьев желал для будущего своей теории не первого, но второго. Поэтому задача видится не в игнорировании, отбрасывании теории на том основании, что она несет неизбежный отпечаток и гнет своего уже ушедшего, канувшего века, и не в консервации и персеверациях, повторениях пройденного, а в обеспечении живого движения школы, ее открытости к новым изменениям и росту. Корни не похожи на ствол, ствол — на ветви, ветви — на плоды и листья. Каждый новый возникающий уровень роста «отрицает» предыдущий, может по отношению к предыдущему наивно считать, что тот вреден и не нужен был вовсе, а единственный смысл сейчас именно в этом листике или отпочковавшемся отростке. Равно неправильно думать, что надо повесить мемориальную табличку, скажем, на какой-то изолированный фрагмент ствола или корня и считать, что поддержание неиз-

менности этого фрагмента главная и единственная цель заботы о древе науки.

...Мы начали с некоторых предположений о законах науки, этой особой драмы идей и людей, ее поворотах, циклах, календарных кругах. В заключение отметим, что речь шла отнюдь не о каких-то далеких, трудно усматриваемых теоретических гипотезах и абстракциях, а о том, что реально, часто повседневно воплощается в нашей жизни.

Мы, от студента до профессора, — люди сегодняшней психологии, освященной прошлым, укорененной в настоящем, устремленной в будущее, и являем, воплощаем собой пример архетипического круга науки в его мгновенном моментальном срезе, сечении, дающем образ, представление об одновременном, синхронном присутствии и функционировании его частей и передаточных механизмов. Не боги горшки обжигают, и науку делают живые люди, отнюдь не только с достоинствами, но и с минусами и недостатками, подчас весьма серьезными. Поэтому столь важно не забывать о лежащей на нас (именно на нас) ответственности. Посеянное учителями взошло. Наш долг собирать урожай и без лени и уныния засеять вечное поле познания вновь. Как наше дело-слово отзовется, как будет принято, оценено, увидим ли мы его плоды? История к нашему столетию рассудит (забудет или засудит). Одно ясно: поле не должно быть в запустении. Календарь науки

не дает нам покоя и перерыва: просто на место одних работников придут продолжать их начинания и пути другие. Ибо умирает служитель истины, но не истина, умирает ученый, но не наука, которая всегда ждет делателей на нивы свои.

Литература

- Андреева Г.М. Леонтьев: личность, сознание, деятельность // Мир психологии. 1999. № 1. С. 5–9.
- Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., Петровский В.А., Субботский Е.В., Хараиш А.У., Цветкова Л.С. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 35–45.
- Братусь Б.С. Психологические аспекты нравственного развития личности. М., 1977.
- Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
- Ждан А.Н. Вопросы истории психологии в трудах А.Н. Леонтьева // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 86–94.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.
- Иванников В.А. Леонтьев глазами студента и сотрудника // Мир психологии. 1999. № 1. С. 6–13.
- Климов Е.А. А.Н. Леонтьев: служение умопостигаемому Делу // Мир психологии. 2003. № 2. С. 4–10.
- Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология: Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева. М., 1983.
- Леонтьев А.А. Алексей Николаевич Леонтьев рассказывает о себе // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 33–42.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
- Леонтьев А.Н. О предмете психологии личности // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1983.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М., 1994.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 2007.
- Нечаев Н.Н. А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин: диалог во времени // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 50–69.
- Орлов А.Б. А.Н. Леонтьев — Л.С. Выготский: очерк развития схизиса // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 70–85.
- Петренко В.Ф. Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999.
- Петренко В.Ф. Психология была для него жизнью // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 90–96.
- Пономаренко В.А. Психологическая первозаданность ума и души А.Н. Леонтьева // Мир психологии. 2003. № 2. С. 10–20.
- Соколова Е.Е. Развитие идей Л.С. Выготского в ранних работах А.Н. Леонтьева // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 95–104.
- Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского. М., 1977.